

ПЕРЕХОД ОТ ЛОГИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА К ФЕНОМЕНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43, e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Целью данного исследования является изучение исследовательского потенциала феноменологического подхода в социальных науках, который возник в первой половине XX века как критика доминирующего в то время метода логического позитивизма. В статье использовались следующие научные подходы и методы: методы анализа, описания и сравнения, а также феноменологический подход. Автор с помощью сравнения рассматривает значимость феноменологии в социальных науках как способ не только описания фактов, но и разъяснения мотивов и ненаблюдаемых смыслов. В результате обосновывается, что решение насущных проблем общества путем практического применения полученных знаний об обществе возможно только в том случае, если активно применять феноменологический метод в сфере государственного управления. Это поможет преодолеть забюрократизированность государственной службы, оторванность государственно-управленческого аппарата от реальных общественных проблем, а также вовлечь само население в процесс государственного управления, налаживая обратную связь.

Ключевые слова: феноменология, социальные науки, логический позитивизм, научный подход, социальная реальность, методология социального исследования.

THE TRANSITION FROM LOGICAL POSITIVISM TO PHENOMENOLOGY
IN THE SOCIAL SCIENCES: POLITICAL ASPECTS

KOVALEV A. A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of State and Municipal Management Department, North-West Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Saint-Petersburg), e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. The purpose of this study is to study the research potential of the phenomenological approach in the social sciences, which emerged in the first half of the XX century as a critique of the dominant method of logical positivism at that time. The following scientific approaches and methods were used in the article: the method of analysis, description and comparison, as well as the phenomenological approach. The author has made an attempt to prove the significance of phenomenology in the social sciences by means of comparison as a way not only to describe facts, but also to explain motives and unobservable meanings. According to the results of the conducted research, the author comes to the conclusion that the solution of urgent problems of society through the practical application of the acquired knowledge about society is possible only if the phenomenological method is actively applied in such a scientific and practical discipline as public administration. This will help to overcome the bureaucratization of the civil service, the isolation of the state administrative apparatus from real social problems, as well as to involve the population itself in the process of public administration, establishing feedback.

Keywords: phenomenology, social sciences, logical positivism, scientific approach, social reality, methodology of social research.

ВВЕДЕНИЕ

Длительное время изучение социального мира в науке не считалось серьезным предметом для исследований и либо изучалось поверхностно, либо вовсе игнорировалось. Еще с древних времен в науке постоянно возникали споры о том, что исследовать и как исследовать. Между учеными и философами разгорались баталии относительно значимости тех или иных методологий и предметов исследований. Зачастую возникали необоснованные перегибы в пользу какой-либо одной области исследований при принижении другой. Так произошло и в XX в., когда ло-

гический позитивизм и его представители предпринимали весьма успешные попытки универсализировать собственную методологию для всех областей, пригодных для исследований. Сюда вошел и мир социальных явлений.

В первой половине XX в. и после Второй мировой войны доминирующим методом научного исследования был логический позитивизм, который основывался на методах естественно-научных исследований. Этот метод успешно работал в родственных областях науки, однако был непригоден (по крайней мере, в чистом виде) в сфере исследования социальных наук, и обострившиеся после окончания Второй мировой войны, накопившиеся и долго игнорируемые социально-политические проблемы это наглядно продемонстрировали. Социальные науки нуждались в качественно новом научном методе исследований. Таким образом, как реакция на возникшие трудности появляется и развивается феноменология, призванная смягчить излишне формализованный и ориентированный на абстракции в науке, неуместные в социальных исследованиях, логический позитивизм.

Феноменологический метод как альтернатива логическому позитивизму в социальных науках берет свое начало в первой половине XX в. Основоположником феноменологии по праву считается Э. Гуссерль. Также среди зарубежных исследователей феноменологического подхода следует назвать Д. Гарсона, Ф. Кларка, М. Мерло-Понти, Н. Лонга, С. Отта, М. Хайдеггера, Р. Хаммеля, А. Шюца и др. Среди отечественных ученых вопросами феноменологии занимаются такие исследователи, как Н. С. Бикмурзина, А. В. Дахин, О. В. Карпов, Е. А. Тимошук, В. А. Чалый и другие авторы.

В статье использовались следующие научные подходы и методы: методы анализа, описания и сравнения, а также феноменологический подход.

Цель исследования – изучить исследовательский потенциал феноменологического подхода в социальных науках с точки зрения политологических аспектов.

Поставленная цель реализуется решением следующих задач:

1. Рассмотреть приоритетность феноменологического подхода в социальных науках в сравнении с авторитетным в физических науках логическим позитивизмом.

2. Проанализировать технику применения феноменологического подхода в процессе исследования социальных феноменов и явлений и внедрения в практику общественной жизни.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования прослеживается в процессе организации изучения социально значимых вопросов и их практического внедрения непосредственно в социально-политическую жизнь. Последний аспект наиболее четко и эффективно реализуется в сфере государственного управления, практическая часть которого должна кооперироваться с теоретическими научными работами.

Феноменологический подход

Феноменологическое мышление не диаметрально противоположно логическому позитивизму. Действительно, феноменологи по большей части не нападают на эмпиризм как на несостоятельный научный метод; скорее, они настаивают только на том, что эмпиризм представляет собой очень узкий взгляд на социальный мир в нескольких отношениях.

Первый аргумент состоит в том, что логические позитивисты принимают социальную реальность как нечто само собой разумеющееся и в то же время отвергают как нереальный и ненаблюдаемый смысл человеческой деятельности (социальную реальность актора). Приверженцы логического позитивизма также пытаются отрицать их субъективность, прикрываясь объективными измерительными приборами, заимствованными из естествознания. Прежде всего, согласно А. Шюцу, логические позитивисты упускают суть или смысл того, что они пытаются наблюдать [25, Р. 187-188]. Существует фундаментальное различие между социальной и естественной наукой, и это различие – человек. Естествоиспытатель может заключить в скобки или провести границы для своей собственной релевантной части социального мира (а для ученого это социальное), но социолог не может интерпретировать поведение других, не зная, какова их реальность, каков их жизненный мир. В конце концов, наблюдаемые субъекты основывают свое поведение на своих собственных целях и значениях, а не на целях и значениях наблюдающего ученого. В любом случае навязывание естественно-научной логики и метода не оставляет места для интерпретации смысла сознательной деятельности.

Логический позитивизм, по мнению феноменологов, не только непригоден для интерпретации смысла в явлениях, но и пытается эмпирически проверить в значительной степени субъективные явления [23, Р. 64]. Убеждения, ориентации, мотивации и т.д. не являются наблюдаемыми явлениями; тем не менее они не перестают оставаться явлениями. Эмпирики часто пытаются сделать ненаблюдаемое наблюдаемым. Одним из результатов является то, что они приписывают наблюдаемым субъектам свои собственные убеждения, ориентации и мотивации. Результат один и тот же, на чем бы ни фокусировались наблюдатели – на акторах или явлениях. Феноменология требует, чтобы внимание было сосредоточено на тех и других, как в отдельных аспектах феномена – сознательном уме и мире. Таким образом, феноменологи считают, что логико-позитивистский подход слишком узок, но, возможно, применим к действительно наблюдаемым явлениям. Они утверждают, что наблюдатели должны признавать каждое явление таким, какое оно есть, не навязывая методологии, не соответствующей предмету исследования. Ученые должны подходить к субъектам, которые не являются объективными, с предметными методологиями.

С другой стороны, критики феноменологии основывают свои величайшие нападки на проблеме субъективности. Объективность стала почти синонимом эм-

пирической науки, а субъективность стала ассоциироваться с предвзятостью и ненаучными методами. Что такое субъективность феноменологов? Феноменологи считают, что все социологи «абстрагируются» от мира в соответствии с изучаемой проблемой. Абстракции, производимые учеными-эмпириками, сами по себе субъективны, так как искажают действительность, они удаляют обобщения, формализации, идеализации и все другие аналитические и теоретические построения из реальности наблюдаемых явлений.

Как насчет субъективного смысла поведения, который феноменологи хотят установить в своих исследованиях? Они утверждают, что один может знать до некоторой степени мотивы другого, если он знает обстоятельства или жизненный мир другого. Процесс самотипизации позволяет исследователям-феноменологам аппроксимировать восприятие социального мира актора, чтобы дополнить свои знания об этом мире, основанные на здравом смысле. Феноменологи полагают, что связь человеческого, или интерсубъективное знание, обеспечивает основу для понимания жизненного мира другого [29, Р. 201]. Степень социализации изучаемого субъекта и знание о ней наблюдателя также способствуют тому, чтобы приблизить восприятие жизненного мира актора, на основании чего феноменологи могут сделать соответствующие определения. Чем более социализированы действующие лица, тем более предсказуемым будет их поведение и тем более понятными должны стать их мотивы. Знание здравого смысла актора, выработанное в процессе социализации, гораздо более доступно исследователю через наблюдение благодаря присущей ему эмпатии. Проверка выводов исследователя на предмет объективной валидности должна заключаться в логическом соответствии полученных результатов со знаниями актора, основанными на здравом смысле.

Феноменологический подход в исследовании общественно-политических феноменов в социальных науках

В любом социологическом исследовании вызывает затруднение поведение людей как членов общества, которые объективно не могут демонстрировать строгую ясность и очевидность мотивов. Именно поэтому феноменологический подход социологического исследования направлен на то, чтобы скрытые аспекты человеческого поведения сделать более явными [19, Р. 156]. То же самое происходит и в политологических исследованиях. Что же представляет собой феноменологическая позиция относительно изучения общества? Исследователи сошлись во мнении, что в любом обществе доминирует определенная система ценностей, на которую опираются его свободные члены [12, Р. 138-139]: культура в целом и ее составная часть – политическая культура. Таким образом, именно общественные ценности определяют состав и структуру того или иного общества, они и составляют базу любого феноменологического исследования. При этом данные ценности не являются для феноменологов абсолютными. Феноменология практикует интуи-

тивное исследование, с помощью которого фундаментальные общественные ценности, даже если они и не идентичны друг другу в каждом отдельном обществе, но используются и принимаются практически универсально, могут быть проигнорированы в процессе исследования [26, Р. 105].

Важный методологический вопрос заключается в том, как исследователи должны понимать ценности других людей и их обществ. Феноменологическая, качественная методология исследования не только затрагивает технические аспекты проектирования исследования, сбора данных и анализа результатов, но и решает такие проблемы, как принятие естественного отношения, объективная интерпретация поведения, контроль влияния наблюдателя на наблюдаемое и несопереживание субъектам исследования настолько, чтобы исследователь ставил под угрозу объективность. То есть феноменологи ищут естественную позицию, с помощью которой они могут определить повседневный мир, свободный от предубеждений истории, понятий причинности и интерсубъективности. Только избавившись от переживаний, которые создают ложную картину мира, социолог может понять феномены. В каком месте человеческого сознания должна находиться сущность реальности – это вопрос догадок и споров. По мнению Гуссерля и трансцендентальных феноменологов, интуиция является источником естественного отношения [24, Р. 56]. Для экзистенциалистов снятие предубеждений, созданных опытом, является средством достижения естественной установки [18, С. 385].

Говоря о месте феноменологии в социальных науках, А. Шюц признавал несомненный вклад Э. Гуссерля и его теоретических наработок в развитие общественных наук, однако при этом отмечал, что «Гуссерль не был сведущ в конкретных проблемах социальных наук» [9, С. 151]. Стоит справедливо отметить, что и сам Гуссерль эволюционировал в своих взглядах на протяжении всего своего творческого пути (например, при переходе от статической феноменологии к генетической и конструктивной) и дал возможность новому философскому направлению – феноменологии – развиваться на основе его творческого наследия в работах других авторов (М. Хайдеггера [8], М. Мерло-Понти [5] и др.). Таким образом, задача последователей феноменологии Гуссерля (в том числе и его критиков) состояла в том, чтобы вывести феноменологию из теоретической плоскости в практическую, помогая осознать и решать насущные социально-политические проблемы государства и общества. Одним из подобных практических направлений стала феноменология государственного управления.

Итак, феноменологи утверждают, что существует не просто своеобразное определение реальности. Скорее, человеческий опыт окрашивает то, как человек воспринимает мир, и ему приходится очищаться от предубеждений, созданных его психологическими, социальными и политическими предрасположенностями, чтобы раскрыть «истину» [31, Р. 145]. Нахождение общего основания, общей реальности позволит исследователям объективно изучать явления. Представление о том, что

субъективные интерпретации реальности существенны для понимания социальных и физических явлений, кажется интуитивно логичным.

Реальная привлекательность феноменологии заключается в обещании философского инструмента для достижения непредвзятого взгляда на социальные явления. Философы и писатели, такие как М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и М. Мерло-Понти, безусловно, разделяли эту идею. Феноменология опирается на линию рассуждений, которая не полностью отрицает объективную реальность, но придает большое значение реальности, определяемой субъективно. Феноменологи придают большое значение пониманию ценностей, которые человек использует сознательно или бессознательно для интерпретации своего окружения и для руководства своими действиями. В какой-то мере исследование требует выбора точки зрения и некоторого понимания важности опыта для развития глубокого понимания социальных и физических явлений, которое Вильгельм Дильтей называет *verstehen* [17, Р. 315]. Интернализированное понимание со стороны исследователя облегчает реконструкцию точек зрения участников конкретных событий и, таким образом, обеспечивает перспективу, с которой исследователи могут понять и оценить рациональность действий участников. Таким образом, феноменологические методологии предоставляют средство для перехода от философского уровня к практическому, от абстрактного к конкретному.

Ключевая задача феноменологического исследования – познать мотивы и ценности членов общества как субъектов исследования. Это становится реализуемо с помощью применения антропологического и социологического наблюдения. Точно такая же методика используется в процессе изучения поведения животных, поскольку позволяет исследовать определенные особенности их поведения наряду с другими социальными группами. Именно наблюдение дает возможность наиболее точно и последовательно изучать примитивные общества [15, Р. 269]. При этом важно со стороны исследователя наблюдать за социальными группами и их поведением в естественной среде максимально незаметно.

Феноменологи были не согласны с бихевиористами относительно того, что между установками и поведением существует связь. Познание и действия акторов признаются сторонниками феноменологии единой частью одного процесса. Помимо наблюдения феноменологами в качестве методов исследования также используются неструктурированное интервью и изучение личных документов. Подобные подходы позволяют лучше понимать мир глазами объекта исследования, осознавать его мотивы и причины поведения в интересующий отрезок времени. В качестве материалов используются памятники исторической литературы, например письма, дневники, автобиографии – всё то, что содержит в себе описания тех или событий от первого лица.

В качестве критериев определения границ феноменологического движения или выявления тех, кто пользуется феноменологическими методами, согласно Г. Шпи-

гельбергу, можно назвать следующие явления: (1) облачение в словесные формы и четкая формулировка знаний и их источников, которые позволят проникнуть в суть изучаемых структур и удовлетворить таким образом запросы философии; (2) проявление сознательности со стороны исследователя при использовании данных методических принципов [27, Р. 613]. Как выразился Карл Фридрих, следует попытаться описать явления в максимально общих терминах: «Спрашивая... ибо суть его» [10, Р. 176]. Цель состоит в том, чтобы сосредоточиться на сути явления, а не искать концептуальную ясность, которая может исказить смысл изучаемого явления. Иными словами, феномен более важен, чем слова, используемые для его описания в измеримых терминах.

Проблема использования языка занимает центральное место в феноменологической критике логического позитивизма, но, что еще важнее, она занимает центральное место в феноменологическом взгляде на понимание мира человеком. Феноменологическая литература уделяет значительное внимание герменевтике, связи между языком и знанием. Очевидно, что язык играет важнейшую роль в концептуализации и понимании мира. Хотя перевод может дать приблизительный смысл, концептуализации и аналогии, присущие языку, оказывают влияние на то, как переживаются и запоминаются явления, и на то, как они влияют на будущее поведение. Кроме значимости языка в феноменологических исследованиях также пристальное внимание уделяется таким элементам, как изучение общих и частных аспектов, исследование первостепенных взаимодействий между явлениями, наблюдение за процессами их возникновения, анализ базовых конструкций изучаемых явлений в сознании акторов, отказ от представлений о существовании феноменов, раскрытие сущности изучаемого [16, Р. 46].

Г. Шпигельберг отмечает, что первые три процедуры лежат в основе всех работ, связанных с феноменологическим движением, а остальные четыре процедуры не являются общепринятыми или применяемыми [27, Р. 159]. Определяющим критерием феноменологов было принятие понятия сущностей, отличных от эмпирически наблюдаемых, и использование интуиции для исследования этих сущностей. Однако практические проблемы, связанные с тем, как сформулировать исследовательские вопросы в соответствии с предписаниями феноменологии и природой интуитивного исследования, вызвали значительные дебаты среди феноменологов. Альфред Шюц предложил сосредоточиться на естественном отношении, исследуя, как развивается смысл, и воссоздавая социальную и психологическую среду, которая влияет на то, как мы воспринимаем и оцениваем феномены [20, Р. 132]. Морис Мерло-Понти, напротив, акцентировал внимание на различиях между тем, что мы воспринимаем, и сущностью явлений [11, Р. 215].

Применительно к последнему подходу один из методов использования феноменологических принципов заключается в образном варьировании. Согласно Джигендре Моханти, исследователь должен:

- начать с реального или воображаемого примера рассматриваемого вида. Этот произвольно выбранный пример послужит моделью;
- развить из него интуитивно открытую множественность вариантов, которые должны быть произвольно созданы в воображении;
- наблюдать процесс превращения действительных явлений в возможности и сведения возможностей к сущности, трансцендентной реальности [22, Р. 96].

Воображаемый феномен представляет собой идеальный тип, поскольку исследователь интуитивно перебирает возможности, чтобы прийти к разумной сущности, трансцендентной реальности в терминах Моханти. Понятно, что существует некоторый конфликт между социологами, использующими эмпирические методы, и теми, кто использует феноменологические методы. Верифицируемость результатов исследований является одним из основных вопросов. Хотя феноменолог может документировать свое понимание социальных явлений и исследовать рассуждения, эмпирических доказательств, подтверждающих выводы, может быть мало или вообще не быть. «Феноменология и эмпирическая наука действуют на качественно разных уровнях» [14, Р. 336].

Экзистенциальная феноменология очень сильно повлияла на развитие движения «психологии роста» 1960-х и 1970-х годов. Идея использования самораскрытого поведения для поощрения и прояснения межличностных отношений и тем самым для стимулирования личностного роста является продолжением описанных Альфредом Шюцем отношений «мы». Обмен своими представлениями позволяет другим понять реальность, которая направляет поведение, и этот обмен приводит к социальной перспективе, которая облегчает постановку личных целей, согласующихся с группой. В ходе этого процесса улучшается коммуникация, и меньше усилий тратится на поведение, направленное на то, чтобы скрыть свои чувства. Теория организации столкнулась с веберовской моделью. В то время как ученые поднимали вопросы о том, насколько хорошо веберовский идеальный тип соответствует бюрократической реальности, было очень мало проблем с его основными предположениями или объяснением того, как включить организационные изменения в статическую модель [21, Р. 187].

Этот период ознаменовался заинтересованностью ученых, изучающих проблемы государственного управления, феноменологическим подходом в социально-политических исследованиях, так как именно этот подход позволял понимать те значимые общественные сдвиги, которые наблюдались в зарубежном обществе, и определять вектор разработки политических решений и вопросов государственного управления [3, С. 134].

Ключевой идеей феноменологии государственного управления выступает повышение его человекоориентированности. Несмотря на то что, по мнению многих исследователей, феноменология Э. Гуссерля не имеет ничего общего с политикой, а основатель феноменологического подхода намеренно избегал рассуждений

на политические темы, феноменология полностью не свободна от политики [4, С. 368]. Таким образом, есть основания полагать, что политологическое исследование феноменологии (в данном исследовании – феноменологии государственного управления) имеет перспективы. Так феноменология становится одним из методов изучения политического мира.

Приоритетной темой феноменологии Э. Гуссерля является доминирование сознания над действием. При этом феноменология строго следит за тем, чтобы отказать от оценок и объяснений исследуемого объекта, весь процесс его изучения должен сводиться к описанию. В процессе эволюции взглядов Э. Гуссерля произошел переход от статической феноменологии к генетической – от анализа «бытия-сознания» к переживанию времени и временности [2, С. 94]. Таким образом, философ приходит к пониманию того, что сознание – это непрерывный поток, а не набор отдельных последовательных актов.

Также Э. Гуссерль отмечал, что необходимо в процессе познания отказаться от стереотипов, установок, прошлого опыта и т.д. – всего того, что мешает объективному познанию. То же самое касается и исследования мира политики. Так рождается сознание в чистой форме, позволяющее описать предметы и явления такими, какие они есть на самом деле, не обременяя их субъективными установками, иллюзиями, искажениями и стереотипами наблюдателя. Для описания политических событий это очень ценный и одновременно сложный навык. Так феноменология раскрывает сущность этих событий, игнорируя эмпирическое содержание. Таким образом, познание политической реальности освобождается от субъективных нагромождений конкретных исследователей, а феноменологический подход позволяет оставить за скобками идеологические, культурные и иные внешние проявления в политической реальности.

Феноменология бюрократии заключается в том, чтобы сформировать определенный этический кодекс у госслужащих, которым бы они руководствовались в процессе своей профессиональной деятельности. Так формируется пласт ценностной политической элиты [7, С. 532]. Главный смысл здесь заключается в том, чтобы посмотреть на одни и те же процессы, события и явления глазами другого, то есть войти в его положение, отбросив идеологизм и мифологизацию (а именно мифологическое сознание позволяет конструировать политическую реальность, противопоставляя сознание миру вещей как он есть). Иными словами, феноменология бюрократии призывает к моральной ответственности чиновников и всю систему государственной службы. Таким образом, с помощью феноменологии необходимо освобождать политическое мышление от деструктивных мифологем. Например, актуальной в 2021 году политической мифологемой является чипирование населения с помощью вакцинации от COVID-19 (одна из версий всемирного заговора). Для нынешней России феноменология может принести успех в случае отсеивания ненужных новаций Западного мира и освоения полезного, главным

образом, в гуманитарной сфере, в которой активно развивается и феноменология бюрократии. То есть феноменология позволяет менять сферу государственно-общественных отношений в различных направлениях.

Наиболее значимыми для данного исследования в рамках изучения феноменологии бюрократии являются классические работы американского профессора Дж. Уилсона [30] и французского социолога М. Крозье [13]. Так, американский политолог в своей работе рассматривает бюрократию как единое целое, состоящее из множества частей (от самого нижнего уровня до самого высшего – парламента, судов, президента). Важной особенностью бюрократии, по мнению ученого, является то обстоятельство, что ее представители не стремятся к достижению определенных значимых результатов, для них гораздо важнее следовать заранее установленным и прописанным правилам поведения. То есть для бюрократов, таким образом, регламент важнее. Отсюда и неэффективность их работы, которая также нередко усиливается их многофункциональностью, когда один и тот же чиновник должен решать множество различных задач. Так рассеивается профессионализм чиновника. Важной помехой на пути к эффективной работе бюрократии выступают также разрозненные приказы со стороны вышестоящих чиновников (однако это обстоятельство, скорее, «головная боль» именно американской бюрократии, российская бюрократическая система отличается большей централизованностью). Уилсон был убежден, что повысить производительность бюрократии способна ее приватизация. А те сферы, которые не могут быть приватизированы, должны подвергнуться дерегулированию, чтобы быть более эффективными.

М. Крозье, изучая феномен бюрократии, относил свое творчество как к классической школе, так и к школе человеческих отношений. Ученый отвергал созданный М. Вебером идеальный тип бюрократии, основанный на рациональности, а саму бюрократию не считал полностью обезличенной рациональной машиной, ведь бюрократия не лишена дисфункций, которые при этом, по мнению исследователя, не разрушают систему, а только укрепляют ее, расширяют, раздувают, но не развивают. При этом власть, общество и бюрократию М. Крозье рассматривал как взаимосвязанные составные части единой системы. Саму бюрократию ученый называет «Левиафаном, который стремится обратить в рабство всю человеческую расу» [13, Р. 234], а общество называет бюрократическим, где исчезают личность и личная ответственность (возникает так называемая обезличенность). Стремясь преодолеть в будущем эту обезличенность, М. Крозье призывает распределять ответственность между обществом в целом и каждым индивидом в частности, то есть он возлагает на отдельного человека как на носителя ценностей определенной политической культуры ответственность за преодоление негативных бюрократических проявлений. Это полностью вписывается в феноменологическую концепцию бюрократии и государственного управления, которая основывается на изучении ценностей людей (носителей определенной политической культуры), помога-

ющих лучше понять их мотивы и установки, в том числе и в отношениях с бюрократической системой.

Бюрократическое общество является неотъемлемой частью капиталистической системы, в которой существует. Таким образом, изучение феноменологии бюрократии и феноменологии капитализма в совокупности позволит составить объективную картину реально сложившейся социально-политической обстановки современности.

Изучению феноменологии капитализма, в котором существует современное государственное управление и развивается современная государственность, посвящены работы таких авторов, как К. В. Молчанов, А. Д. Волков и А. Н. Привалов. Так, профессор К. В. Молчанов обращает внимание на то, что капитализм не вечен, но он должен непрерывно проходить определенные стадии развития (названные «иным путем капиталистического развития»), реализуемые с помощью модернизации [6]. В свою очередь А. Д. Волков и А. Н. Привалов довольно четко и подробно описывают место российской бюрократии (чиновничества) в системе современного капитализма [1]. Подобное исследование позволяет вскрыть и подробно исследовать такую актуальную тему феноменологии бюрократии, как коррупция. При этом авторы не просто констатируют наличие проблемы, но и предлагают наиболее эффективные меры по ослаблению данного социально-политического явления, ключевым из которых является возвращение независимости судов и массового выведения чиновников из различных секторов экономики страны.

Таким образом, дальнейшее развитие феноменологии бюрократии, феноменологии государственного управления, феноменологии коррупции и т.д. позволит расширить исследовательский инструментарий феноменологии политики в целом. В свою очередь, данное обстоятельство поможет находить и применять эффективные методы для разрешения актуальных социально-политических проблем современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феноменология изначально зародилась как критика логического позитивизма еще в первой половине XX в., однако уже после Второй мировой войны стало очевидным, что новый научный подход имеет серьезные перспективы как эффективная альтернатива логическому позитивизму, который доминировал в то время в научных исследованиях. Ученым стало понятно, что логический позитивизм с его абстрактно-формальным подходом не может стать довлеющим в социально-политических исследованиях, однако стоит справедливо отметить, что феноменологи не претендовали на то, чтобы вовсе отказаться от позитивизма в общественных науках, они демонстрировали намерение дополнить его.

Важно понимать, что феноменология изначально преследовала цель разрешить назревшие насущные проблемы в области политико-социальных отношений, показывая тем самым свою практическую значимость. В связи с этим остро встает вопрос о том, где и как внедрять полученные знания об обществе. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что это возможно только в

том случае, если активно применять феноменологический метод в такой научно-практической дисциплине, как государственное управление. Ведь ключевой проблемой современного государственного управления является формализованный, абстрактный подход к решению конкретных вопросов общественной жизни. Феноменологи справедливо утверждают, что идеальные типы М. Вебера, которые ведут к забюрократизированности и чрезмерной оторванности чиновников, принимающих управленческие решения, от реальной жизни, не должны проникать в процесс принятия реальных решений, которые касаются насущных проблем населения и всего государства.

Таким образом, становится очевидным, что в общественных науках как в теории, так и на практике феноменология имеет большой потенциал в разрешении многих проблем социально-политической действительности. Поэтому будущие исследования на данную тему должны быть продолжены и направлены на поиск оптимальных точек соприкосновения принимающих управленческие решения (чиновников) и тех, кого непосредственно касаются принятые решения (населения).

Библиография/References:

1. Волков А.Д., Привалов А.Н. Скелет наступающего. Источник и две составные части бюрократического капитализма. – СПб.: Питер, 2008. – 271 с.
2. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Собр. соч. Т. 1 / Пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Гнозис, 1994. – 162 с.
3. Карпов О.В., Кучин Н.С. Административно-правовые принципы через призму феноменологии права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2020. – № 11. – С. 131-135.
4. Лаврухин А. Политическое измерение в феноменологии Э. Гуссерля в свете критики Ф. Феллманна, Х. Арендт и Ю. Хабермаса // HORIZON. – 2018. – № 7 (2). – С. 365-390.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокиной. – СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. – 608 с.
6. Молчанов К.В. Феноменология капитализма. – М.: КРАЙ, Центр общественных связей при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. – 176 с.
7. Тимощук Е.А. Социокультурная феноменология политики // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: сборник статей XVIII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Кога-на. – Екатеринбург, 2015. – С. 526– 536.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Библихиной. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
9. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

10. Berry M. Treacherous Bonds and Laughing Fire: Politics and Religion in Wagner's Ring. – Routledge, 2017. – 304 p.
11. Carman T. Merleau-Ponty. – Routledge, 2008. – 288 p.
12. Carr D., Casey E.S. Explorations in Phenomenology: Papers of the Society for Phenomenology and Existential Philosophy. – Springer Science & Business Media, 2012. – 448 p.
13. Crozier M. Le Phenomene bureaucratique. – Paris: Editions du Seuil, 1963. – 380 p.
14. David M., Sutton C.D. Social Research: An Introduction. – SAGE, 2011. – 680 p.
15. De González L.T. Through the Lens of Cultural Anthropology: An Introduction to Human Culture. – University of Toronto Press, 2019. – 352 p.
16. Dibley L., Dickerson S., Duffy M., Vandermause R. Doing Hermeneutic Phenomenological Research: A Practical Guide. – SAGE, 2020. – 232 p.
17. Dilthey W. Wilhelm Dilthey: Selected Works, Volume III: The Formation of the Historical World in the Human Sciences. – Princeton University Press, 2021. – 416 p.
18. Dreyfus H.L., Wrathall M.A. A Companion to Phenomenology and Existentialism. – John Wiley & Sons, 2011. – 624 p.
19. Ferguson H. Phenomenological Sociology: Experience and Insight in Modern Society. – SAGE, 2006. – 248 p.
20. Gorman R. The Dual Vision: Alfred Schutz and the Myth of Phenomenological Social Science. – Routledge, 2013. – 248 p.
21. Harris A. Distributed Leadership: Different Perspectives. – Springer Science & Business Media, 2009. – 254 p.
22. Mohanty J.N. Phenomenology and Ontology. – Springer Science & Business Media, 2012. – 228 p.
23. Lawlor L. Phenomenology: Responses and Developments. – Routledge, 2014. – 336 p.
24. Schrimshaw W. Immanence and Immersion: On the Acoustic Condition in Contemporary Art. – Bloomsbury Publishing USA, 2017. – 216 p.
25. Schutz A. Collected Papers V. Phenomenology and the Social Sciences. – Springer Netherlands, 2013. – 300 p.
26. Simmons J.A., Benson B.E. The New Phenomenology: A Philosophical Introduction. – A&C Black, 2013. – 256 p.
27. Spiegelberg H. The Context of the Phenomenological Movement. – Springer Science & Business Media, 2013. – 239 p.
28. Spiegelberg H. The Phenomenological Movement: A Historical Introduction. – Springer, 2013. – 765 p.
29. Tuckett J. The Idea of Social Science and Proper Phenomenology. – Springer, 2018. – 248 p.

30. Wilson J.Q. Bureaucracy: What Government Agencies Do and Why They Do It. – New York: Basic Books, 1989. – 464 p.

31. Zahavi D. The Oxford Handbook of the History of Phenomenology. – Oxford University Press, 2018. – 775 p.

1. Volkov, A.D., Privalov, A.N. (2008) Skelet nastupaiushchego. Istochnik i dve sostavnye chasti biurokraticeskogo kapitalizma [The skeleton of the advancing. The source and two components of bureaucratic capitalism]. – SPb.: Piter. – 271 p. (In Russ.)

2. Gusserl', E. (1994) Fenomenologiiia vnutrennego soznaniia vremeni. Sobr. soch. T. 1 [The phenomenology of the inner consciousness of time] / Per. s nem. V. I. Molchanova. – M.: Gnozis. – 162 p. (In Russ.)

3. Karpov, O.V., Kuchin, N.S. (2020) Administrativno-pravovye printsipy cherez prizmu fenomenologii prava [Administrative and legal principles through the prism of the phenomenology of law] // Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki [Modern science: actual problems of theory and practice]. – № 11. – P. 131– 135. (In Russ.)

4. Lavrukhin, A. (2018) Politicheskoe izmerenie v fenomenologii E. Gusserlia v svete kritiki F. Fellmanna, Kh. Arendt i lu. Khabermasa [The political dimension in the phenomenology of E. Husserl in the light of criticism of F. Fellmann, H. Arendt and Yu. Habermas] // HORIZON. – № 7 (2). – P. 365-390. (In Russ.)

5. Merlo-Ponti, M. (1999) Fenomenologiiia vospriiatiiia [Phenomenology of perception] / Per. s fr. pod red. I.S. Vdovinoi, S.L. Fokinoi. – SPb.: «luventa», «Nauka». – 608 p. (In Russ.)

6. Molchanov, K.V. (2002) Fenomenologiiia kapitalizma [Phenomenology of capitalism]. – M.: KRAI, Tsentr obshchestvennykh sviazei pri MGU im. M.V. Lomonosova. – 176 p. (In Russ.)

7. Timoshchuk, E.A. (2015) Sotsiokul'turnaia fenomenologiiia politiki [Socio-cultural phenomenology policy] // Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiiia, opyt empiricheskogo issledovaniia [Culture, identity and society in the modern world: Methodology, empirical research]: sbornik statei XVIII Mezhdunarodnoi konferentsii pamiati prof. L.N. Kogana. – Ekaterinburg. – P. 526– 536. (In Russ.)

8. Khaidegger, M. (1993) Vremia i bytie: Stat'i i vystupleniia [Being and Time: Articles and speeches] / Per. s nem. V.V. Bibikhinoi. – M.: Respublika. – 447 p. (In Russ.)

9. Shiuts, A. (2004) Izbrannoe: Mir, svetiashchiisia smyslom [Favorites: A world glowing with meaning]. – M.: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN). – 1056 p. (In Russ.)